B 5/258
Сиб 1857

РОСТИСЛАВЪ МИХАИЛОВИЧЬ,

РУССКІЙ УДѢЛЬНЫЙ КНЯЗЬ НА ДУНАѢ

ВЪ XIII ВѢКѢ.

С. Н. Палаузова.

РОСТИСЛАВЪ МИХАИЛОВИЧЬ,

РУССКІЙ УДѢЛЬНЫЙ КНЯЗЬ НА ДУНАѢ

ВЪ XIII ВѢКѢ.

С. П. Палаузова.

СЪ ТАБЛИЦЕЙ, ПОКАЗЫВАЮЩЕЙ РОДСТВЕННУЮ СВЯЗЬ СЛАВЯНСКИХЪ ВЛАДѢТЕЛЬНЫХЪ ДОМОВЪ ВЪ XIII ВѢКѢ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1851.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ М.П. ПОГОДИНА

(Изъ Журн. М. Н. Пр. Часть LXXI, Отд. II.)

РОСТИСЛАВЪ МИХАИЛОВИЧЬ,

КНЯЗЬ МАЧВЫ (1).

Въ Совѣтѣ Князей, собранномъ въ Кіевѣ по случаю вѣсти о приближеніи Татарскихъ полчищъ, находился и Михаилъ Всеволодовичь Черниговскій, шуринъ В. Кн. Георгія. Извѣстно, какой несчастный исходъ имѣла битва на р. Калкѣ. Гроза, отхлынувшая–было къ Восточнымъ предѣламъ, готовилась съ новой силой разразиться надъ Русью, чьи

(1) Источники и пособія: 1) Полн. Собр. Рус. Лѣт. Т. II. Ипатіевская Лѣтопись. 2) Соборникъ Болг. Царя Борила, рпс. XIV вѣка. 3) Софійскій Временникъ. Изд. П. Строева. 4) Ист. Рос. Государства. *Н. Карамзина.* 5) Чтенія Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ. Ч. 3. 1846 г. 6) Изъ Визант. Пис.: а) *Θеофанъ.* б) *Константинъ Багрянородный.* в) *Акрополита.* г) *Никифоръ Грегора.* д) *Пахимеръ.* 7) *Pray:* Annal Reg. Hung. T. 1. 8) *Schier:* De Regnis Hung. 9) *Schwandtner.* Script. rer. Hungaricarum. 10) *Dlugossus* Hist. Pol. 11) *Raynaldi:* Annal. Eccl. T. XIII и XIV. 12) *Katona:* Historia critica regum Hungariae. T. VI. 13) *Fejér:* Cod. diplom. Hung. T. IV. 14) *Timon:* Imago Hung. Novae. 15) *J. Ch. von Engel:* a) Gesch. der nebenländer des Ungrischen Reiches; b) Geschichte von Halitsch und Wladimir. 16) *Ferster:* Gesch. der Ungern. t. II. 17) *Нарушевича:* Hist. Narodu Polskiego. T. V.

Князья, движимые родовою враждою, не прекращали своихъ междоусобій.

По случаю одной изъ этихъ усобицъ, В. Кн. Георгій посадилъ въ 1225 г. въ Новѣгородѣ Михаила Всеволодовича, какъ ближайшаго своего родственника, умѣвшаго снискать любовь и привязанность своевольныхъ гражданъ. Но выгоды Михаила были на Югѣ, въ Черниговѣ, откуда онъ выѣхалъ на Сѣверъ во время приближенія Татаръ къ Днѣпру. До 1229 г. оставался онъ въ Южной Россіи. Занятый устроеніемъ своихъ дѣлъ въ Черниговѣ, Михаилъ снова поспѣшилъ въ Новгородъ, чтобы уладить размолвку по случаю задержанія Новогородскихъ Пословъ въ Смоленскѣ. Возстановивъ спокойствіе, предупредивъ, быть можетъ, новое кровопролитіе, Михаилъ предложилъ Новогородцамъ, по случаю сильнаго недуга Антонія, избрать другаго Святителя по управленію Епархіей; но несогласія гражданъ въ избраніи Владыки положено было рѣшить жребіемъ. Тогда, вызвавъ юнаго Княжича Ростислава, сына Михаилова, находившагося въ это время въ Митрополичьихъ покояхъ, предоставили ему бросить жребій.

Здѣсь въ первый разъ является имя Ростислава. Чѣмъ же замѣчателенъ этотъ Князь въ Исторіи Юго-Западной Руси и какія были отношенія его къ Венгріи и Болгаріи? Въ двухъ словахъ можно бы удовлетворить этому вопросу: явившись сначала съ притязаніями на Княжество Галицкое, Ростиславъ уступаетъ оное болѣе счистливому сопернику. Удаляется потомъ въ Венгрію и становится Удѣльнымъ Княземъ Мачвы и владѣтелемъ Родны, что въ Карпа-

тахъ. Роднится съ Венгерскимъ Королемъ Белой IV, и выдаетъ одну дочь свою за Премыслава-Оттокара Чешскаго, другую за Болгарскаго Царя Михаила Іоанновича Асѣня. Наконецъ, пользуясь смутами, возникшими въ Терновѣ по случаю убіенія Михаила, помогаетъ сыну своему, таинственному Мичѣ (Михаилу), занять, хотя не на долго, престолъ Велико-Терновскій. Но судьба этого Князя такъ любопытна, сличеніе объ немъ извѣстій, находящихся въ Русскихъ, Греческихъ и Венгерскихъ Лѣтописяхъ, разливаютъ такой свѣтъ на нѣкоторыя событія его времени, что не излишне будетъ нѣсколько подробнѣе и сколько позволятъ историческія данныя объяснить эту личность. Въ расказѣ нашемъ мы будемъ касаться слегка только тѣхъ событій, которыя имѣли непосредственное вліяніе на постепенный переходъ его съ отдаленнаго Сѣвера къ Югу, съ береговъ Волохова и Днѣпра на берега Дуная и Моравицы.

Личность Ростислава отмѣчена рѣзкими чертами не въ однѣхъ Русскихъ Лѣтописяхъ. Лѣтописцы Западные и Венгерскіе, при всемъ равнодушіи къ иноземному, не могли пропустить безъ вниманія характерности Русскаго Князя, которая противъ ихъ воли высказывается въ ихъ голословныхъ повѣствованіяхъ. Имя Ростислава, искаженное Греческимъ произношеніемъ и письмомъ, является такъ же и у Византійцевъ. Не смотря на какую-то невнимательность къ лицу, принимавшему жаркое участіе не только въ событіяхъ Юго-Западной Руси, но игравшему замѣчательную роль и у Славянъ Южныхъ,—

лице это едва ли не изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ XIII вѣка.

Безъ сомнѣнія, судьба Ростислава, послѣ ухода его въ Венгрію, легко могла укрыться отъ Русскихъ Лѣтописцевъ. Въ самой Россіи, находясь среди другихъ, болѣе возмужалыхъ дѣятелей, каковы были Георгій и Ярославъ Всеволодовичи, Михаилъ Черниговскій, — отецъ его, Даніилъ Романовичь, и другіе, — Ростиславъ, хотя и съ юныхъ лѣтъ вступилъ на поприще политическое, но, какъ извѣстно, дѣйствовалъ не иначе, какъ подъ руководствомъ отца, закрытый болѣе могучими личностями. Когда же годы утвердили въ немъ опытъ жизни, начатый со столь раннихъ лѣтъ, — Ростиславъ уходитъ въ Венгрію, вступаетъ въ родство на чужбинѣ, получаетъ особый удѣлъ, подъ верховною властію Короля, и исчезнувъ съ тѣхъ поръ изъ Русскихъ Лѣтописей, напоминаетъ о себѣ только во время стремительныхъ своихъ набѣговъ на Галичь, напоминаетъ, какъ о лицѣ враждебномъ Руси, чуть ли не съ тою же ненавистью, съ какою изображено нашествіе Татарское. Послѣ этого не слишкомъ ли смѣло и самопадѣянно рѣшаемся мы выступить на защиту Ростислава и его рода? Лѣтописи предъ нами; постараемся высказать ихъ настоящій смыслъ, и, если возможно, смягчить то невыгодное мнѣніе, которое оставилъ за собою Ростиславъ и отецъ его Михаилъ.

Въ эпоху сильнаго размирья Русскихъ Князей, Ростиславъ въ свою очередь явился съ не меньшими правами, основанными на притязаніяхъ своего рода, стремясь къ достиженію великокняжеской

власти. Не въ одной Россіи удѣлы приняли такое развитіе; напротивъ, всѣ соплеменные съ нею Славянскіе народы представляли разновременно тѣ же послѣдствія родоваго начала: удѣлы въ Болгарской землѣ (2), удѣлы въ Сербіи, въ Чехіи, въ Польшѣ. Но нигдѣ въ этихъ странахъ они не приняли такого колоссальнаго развитія, какъ въ Россіи. Это, очевидно, и случилось самымъ естественнымъ образомъ. Столкновеніе дружиннаго начала, пришлаго вмѣстѣ съ Рюрикомъ и его сподвижниками, дало сильный толчекъ къ отрицательному развитію начала родоваго.

На долю огромному Славянскому племени не досталось того, что было исключительною принадлежностію племенъ Кельтскихъ и Скандинавскихъ. Религіозныя понятія древнихъ Славянъ, не признавая никакой непосредственной связи между божествомъ и человѣкомъ, не дали, по этому, развиться у себя, подобно какъ у сосѣднихъ народовъ, особой кастѣ жрецовъ, кастѣ іерархической. Кому не извѣстно, до какой степени развитія доходило достоинство верховныхъ представителей народа у Кельтовъ и Скандинавовъ. На этомъ достоинствѣ опиралась идея верховной власти, идея аристократіи. Она вмѣстѣ съ Варяго-Руссами пробирается на Сѣверъ Россіи, пере-

---

(2) Первые удѣлы были въ при Донской Болгаріи (660—688). Пять сыновей Кобрата оспаривали верховную власть другъ у друга.

Вторые — съ 1300 годовъ. Болгарія, раздѣленная на Княжества и Господарства, сдѣлалась легкою добычею Турецкихъ завоевателей. Въ то время, когда Славяне Руси освобождались изъ-подъ ига Татаръ, Славяне Южные теряли, тѣмъ же Татарамъ, свою независимость на Коссовомъ полѣ.

саживается на Югъ,—въ Кіевъ, гдѣ неминуемо послѣдовало столкновеніе этихъ двухъ началъ. Что было въ Новѣгородѣ до загадочныхъ временъ Гостомысла и Рюрика, и какъ смотрѣли Сѣверные Славяне на новый, имъ чуждый порядокъ вещей, — намъ не извѣстно. Иначе было на Югѣ. Слѣды рода мы находимъ еще здѣсь до историческихъ временъ Сѣверной Руси (3), находимъ ихъ такъ же при Ольгѣ (4).

Но обратимся къ нашему Князю; оговорка была необходима, чтобы показать, съ какой точки мы будемъ смотрѣть на дѣйствія Ростислава.

Возьмемъ же нить нашего повѣствованія съ той поры, когда, приведенный среди сонма старшинъ Новогородскихъ, юный Княжичь рѣшаетъ выборъ

---

(3) У Θеофана, стр. 376. Независимые Русскіе Князья подаютъ, въ 774 году, помощь Телерику, Королю Болгарскому. О взаимныхъ отношеніяхъ этихъ Князей хронографъ ничего не говоритъ; но чтобы ихъ вовсе не было — едва ли можно допустить такое предположеніе.

(4) Const. Porph. de Cer. aulae Byzant. p. 595.

Разсказывая о пріемѣ, сдѣланномъ В. К. Ольгѣ при Дворѣ во время ея пребыванія въ Царѣградѣ, и описывая свиту Ольги, Имп. Конст. говоритъ, что съ нею прибыли и 20 пословъ 20-ти Русскихъ Князей; — *τῶν ἀρχόντων Ρωσσίας ἀποκρισιάριοι.* Ольга, сколько извѣстно, имѣла одного сына, Святослава.

Не страннымъ ли покажется это извѣстіе Лѣтописца Греческаго,—извѣстіе современное самому событію? Но оно было такъ, а не иначе. Съ этимъ самимъ согласуется и извѣстіе Нестора, что въ древней Руси, кромѣ Кіевскаго, были и другія Княжества, — Черниговское, Переяславское, Ростовское, Любечское, Полтеское и другіе; *по тѣмъ бо городомъ сѣдяху Князья подъ Ольгомъ суще.*

Владыки. Прослѣдимъ жизнь его и участіе, которое онъ принималъ въ тѣхъ событіяхъ Сѣверной и Южной Руси во время Татарскаго нашествія, понудившія его оставить навсегда родину. Наконецъ постараемся изобразить дѣйствія его въ Венгріи, отношенія къ Болгаріи, которой выгоды были такъ близки ему, что Верховный Совѣтъ Терновскихъ Бояръ удерживалъ его на нѣкоторое время, какъ лучшаго и вѣрнѣйшаго посредника между Болгаріей и Никейскимъ Императоромъ Ласкаремъ. Не одна политика руководила Ростислава въ принятомъ имъ участіи въ дѣлахъ Болгарской земли: кромѣ родства съ Михаиломъ Іоанновичемъ Асѣнемъ, за которымъ была старшая дочь Ростислава, одинъ изъ сыновей послѣдняго, Михаилъ, занималъ даже, какъ замѣтили выше, престолъ Велико-Терновскій.

Въ томъ же году, когда имя Ростислава впервые является на страницахъ Русскихъ Лѣтописей, отецъ его, Михаилъ Всеволодовичь, долженъ былъ ѣхать обратно въ Черниговъ. Ростиславъ оставался одинъ въ Новѣгородѣ. Прощаясь съ гражданами, Михаилъ, увѣренный въ *Правдѣ Новогородской*, желалъ только одного отъ нихъ, чтобы сынъ его былъ возвращенъ ему съ честью (5). Чрезъ

---

(5) Соф. Врем. изд. П. Строева, подъ 1229 г. Пріиде Кн. Михайло изъ Чернигова въ Новгородъ, и ради быша Новгородцы, и цѣлова Князь крестъ, что ходити по Ярославлимъ грамотамъ а болѣ того не изневолити Новгорода.

Троицкая Лѣт. подъ 1229.—Тогожъ лѣта поиде Князь Михаило въ Черниговъ къ братіи, а сына своего Князя Ростислава остави въ Новѣгородѣ и рече: *дай Богъ и правда Новогородская исправити, тоже сынъ мой отъ васъ поятн.*

годъ, т. е. въ 1230, мы видимъ Михаила опять въ Новѣгородѣ, совершающимъ обрядъ постригъ въ Софійскомъ храмѣ надъ Ростиславомъ и утверждающимъ его на столѣ Новогородскомъ (6).

Юный Ростиславъ, оставшись одинъ въ Новѣгородѣ, руководимый посадникомъ Водовикомъ, которому, безъ сомнѣнія, былъ порученъ самимъ Михаломъ, является какъ бы лицемъ страдательнымъ среди тревоголюбивыхъ гражданъ. Сначала мятежъ въ самомъ Новѣгородѣ, по случаю жестокостей Водовика, потомъ дороговизна и голодъ, и наконецъ враждебныя отношенія брата В. Кн. Георгія, Ярослава Всеволодовича, овладѣвшаго уже Волокомъ-Ламскимъ,— все это заставило Новогородцевъ звать отца, не надѣясь на неопытность Ростислава. Впрочемъ, намѣренія Михаила не согласовались съ видами Новогородцевъ. Онъ желалъ съ Ярославомъ мира, желалъ его по тому, что не хотѣлъ упустить изъ виду своихъ личныхъ выгодъ на Югѣ Россіи, занявшись исключительно распрей между Ярославомъ Всеволодовичемъ и Новымгородомъ, и этимъ своимъ поступкомъ возбудилъ противъ себя нелюбовь самихъ Новогородцевъ. Ростиславъ находился въ это время въ Торжкѣ. Здѣсь, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о миролюбивомъ посредничествѣ отца, получилъ онъ и вѣсть о своемъ отрѣшеніи отъ стола Новогородскаго, по той причинѣ, какъ говорили ему посланные,

---

(6) И створи пострѣги сынови своему Ростиславу у Св. Софіи.... и посади его на столѣ, и самъ поиде въ Цьрниговъ (О постригахъ см. Карамз. III, стр. 83, и прим. 143, 144 и 145. Изд. Эйнерлинга).

что отецъ измѣнилъ имъ, и что сынъ не достоинъ быть ихъ главой.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ четырехъ годахъ, Лѣтописи молчатъ объ Ростиславѣ. Вѣроятно, изъ Торжка, онъ отправился вмѣстѣ съ Водовикомъ и другими спутниками къ отцу въ Черниговъ, и только въ 1234 году снова является на сцену Исторіи, подъ Ярославлемъ Галицкимъ, какъ союзникъ Белы IV, и помолвленный на дочери его Аннѣ (7).

Быстро развивались событія въ Южной Руси, когда главнымъ ихъ двигателемъ былъ безпокойный Даніилъ: между тѣмъ, Батыевы полчища все ближе и ближе подвигались къ Днѣпру. Михаилъ и Ростиславъ держали Галичъ. Безполезны были старанія Даніила изгнать ихъ оттуда— *затворила бо ся бѣяста во градѣ и Угоръ множество бѣяшеть у нихъ.* Бела уже явно поддерживалъ междоусобія Юго-Западной Руси, всѣми силами стараясь воспрепятствовать ей слиться подъ однимъ владѣніемъ. Михаилъ, узнавъ объ отъѣздѣ изъ Кіева Князя Ярослава, тотчасъ поспѣшилъ овладѣть этимъ городомъ, оставивъ въ Галичѣ Ростислава. Но и Даніилъ не дремалъ. Онъ въ свою очередь подстерегъ Ростислава, ходившаго въ Литву, обступилъ Галичъ, и заставилъ его добровольно сдаться. Узнавъ объ этомъ, Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію, и успѣлъ укрыться отъ погони, посланной въ слѣдъ ему Даніиломъ (1236) (8).

---

(7) *У Прая*, ad ann. 1240. *Пальма* ставитъ это событіе въ 1236 г. Слѣдуемъ лѣтосчисленію Ипат. Лѣтописи, гдѣ Ярославъ, а за нимъ Владимиръ Волынскій были взяты Белой въ 1234.

(8) Ростиславъ же бѣжа въ Угры; путемъ имъ же идяше на Борьсуковъ Дѣлъ, прінде къ Бани, рекомѣй Родня, а отту-

Можно ли винить Ростислава въ томъ, что онъ въ самую критическую для Россіи минуту оставляетъ родину и укрывается при Дворѣ Белы, куда впрочемъ звали его и другія обязанности? Обставленный лицами, ему и его роду враждебными, между которыми дѣятельнѣе всѣхъ представляется Даніилъ Романовичь, — Ростиславъ всегда являлся жертвою обстоятельствъ. Едва онъ успѣлъ пріѣхать въ Венгрію, какъ уже отецъ его Михаилъ (въ 1240), и вскорѣ за нимъ самъ Даніилъ поспѣшили по его же слѣдамъ уйти отъ приближающихся Монголовъ. И здѣсь Даніилъ не оставляетъ крамолы: старается расторгнуть предположенный бракъ, предложивъ Белѣ отдать дочь за сына своего Льва; но Король, отказавъ обоимъ, прогналъ ихъ отъ себя прочь (9).

Изгнанные такимъ постыднымъ образомъ, бѣглецы принуждены были оставить Венгрію, убѣгая отъ приближающагося Батыя, точно такъ же, какъ бѣжали они и изъ Россіи. Слѣдуя по стопамъ отца, Ростиславъ идетъ въ Польшу *ко уеви своему въ Ляхы и ко Кондратови*. Михаилъ старается чрезъословъ склонить Даніила на мировую, и послѣдній обѣщаетъ ему Кіевъ, а Ростиславу Луцкъ. Но Михаилъ не смѣлъ одинъ, безъ дружины, явиться въ Кіевъ *за страхъ Татарскій*. Долго блуждали изгнанники изъ одной страны въ другую. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Ипатьевская Лѣтопись подъ

да иде въ Угры.... Данилови же увѣдавшу уходъ ихъ, посла на нѣ вое свое, и гнаша по нихъ до горъ. *Ип. Л.* 1236 г.

(9) Не вдастъ дѣвки своей Ростиславу и погна и прочь. *Ипат. Лет.*

1238 г. «Михаилъ, узнавъ, что Кіевъ взятъ, бѣжалъ съ сыномъ своимъ въ Польшу къ Кондрату. Но такъ какъ Татары приближались, то Михаилъ уходитъ далѣе въ землю Вратиславскую и пришедъ къ мѣсту, называемому Середа (Сирадія), былъ здѣсь ограбленъ Нѣмцами, которые, видя богатый и пышный поѣздъ Русскаго Князя, напали на его людей и даже внуку его убили» (10). Наконецъ они появляются на родинѣ. Михаилъ идетъ къ Кіеву, не смѣя однакожь войти въ городъ, останавливается на одномъ изъ острововъ Днѣпра, Ростислава же посылаетъ въ Черниговъ, или вѣрнѣе на его развалины (1240 г.).

Въ слѣдующемъ 1241 г. собравъ Болоховскихъ Князей и часть Галичанъ, ему преданныхъ, Ростиславъ вторгается въ земли Даніила, подступаетъ къ Бакотѣ, въ Понизьѣ, откуда былъ отраженъ Кирилломъ, Даніиловымъ печатникомъ. «Отраженный Ростиславъ хотѣлъ уговорить его; но Кирилл отвѣ-

---

(10) Конрадъ Старый, Куявскій, женатый на Русской Княжнѣ Агаѳіи, приходился дядей Михаилу Черниговскому; братъ Конрада, — Лѣшекъ Бѣлый, Краковскій, былъ также женатъ на Русской Княжнѣ Гремиславѣ.

Объ убіеніи внуки Михаила Черниговскаго см. остроумное примѣчаніе О. М. Бодянскаго къ перев. статьѣ Палацкаго: *О Русс. Кн. Ростиславѣ и его родѣ*, помѣщенной въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древностей Россійскихъ № 3. Москва 1846 г.— гдѣ онъ говоритъ: «Это событіе не подало ли поводъ къ сказанію объ убіеніи Красной Кубласвны Нѣмцами, которое по Краледворской рукописи и старо-Нѣмецкой легендѣ о Св. Гедвигѣ, было, де, причиной нашествія Татаръ на земли Христіанскія и случилось по словамъ послѣдней у города Середы (Neumarkt)»?

чалъ ему: такъ ли ты отплачиваешь дядямъ твоимъ (Даніилу и Василько) за ихъ добродѣянія? Забылъ ли ты, когда Король Угорскій изгналъ тебя и отца твоего (и Даніила) изъ земли своей, какъ приняли васъ, Господа мои, а твои дяди? Отца твоего держали въ великой чести, обѣщали Кіевъ, а тебѣ Луцкъ дали, и мать твою, а свою сестру, исхитивъ изъ рукъ Ярослава, отцу твоему возвратили». Иначе и не могъ говорить современникъ и при томъ же приверженецъ Даніила. Тогда Ростиславъ, сопровождаемый Галицкимъ Бояриномъ Владиславомъ *невѣрнымъ*, переправившись за Днѣпръ, занимаетъ Галичь и Перемышль, гдѣ имѣлъ еще преданныхъ себѣ друзей. Но Даніилъ стремился уже отстоять Галичь. Ростиславъ, въ сопровожденіи Артемія, Епископа Галицкаго и другихъ Галичанъ, уходитъ въ Щекотовъ; но услышавъ, что Батый, возвращаясь изъ Венгріи, намѣренъ воевать *землю Галичьскую*, и не имѣя болѣе пристанища на родинѣ, снова обращается къ Белѣ, который наконецъ отдастъ за него дочь свою (1243) (11).

Чтобы послѣдовать за Ростиславомъ на новомъ его поприще внѣ Россіи, чтобы вполнѣ заняться имъ на чужбинѣ, желательно было бы отдѣлить его отъ родины въ то время, когда онъ окончательно поселяется въ Мачевскомъ своемъ удѣлѣ, имѣя резиденціей Бѣлградъ Дунайскій. Изъ текущаго расказа мы увидимъ, что отношенія Ростислава къ Южной Россіи не совсѣмъ прервались, и что стремленіе

---

(11) *Ипат. Л.*— Ростислава розгнаша Татарове во Борку и бѣжа Угры, и вдасть за нь паки Король Угорьскый дочерь свою.

его удержать за собою Галицкую область поддерживалось и Венгріей и Польшей. Но отпоръ, полученный имъ, былъ сильнѣе стремительныхъ его набѣговъ; это понудило его наконецъ отказаться отъ любимой мысли сдѣлаться когда-либо независимымъ Княземъ Галицкой земли.

Михаилъ, узнавъ между тѣмъ, что Бела отдалъ за сына его дочь свою Анну, самъ поспѣшилъ въ Венгрію въ надеждѣ найти себѣ вѣрную подмогу своимъ видамъ, — но обманулся. Король и Ростиславъ, — по выраженію Лѣтописи, — *чести ему не сотвориста; онъ же разгнѣвався на сына возвратися Чернигову* (1245) (12). Вѣроятнѣе всего *чести ему не сотворилъ* Бела, а не Ростиславъ; но что Михаилъ явился въ Венгрію «совѣтоваться съ Королемъ о средствахъ избавить себя отъ ига Татарскаго» (13) объ этомъ вовсе не упоминаетъ Лѣтописецъ. Впрочемъ, это обстоятельство не такъ важно въ политическомъ отношеніи. Изъ него желательнѣе бы узнать о чувствѣ сыновней любви Ростислава, и если вспомнить тѣ враждебныя отношенія, которыя онъ и Михаилъ питали къ Даніилу, то очевидно, что Михаилъ старался уговорить Белу поднять оружіе не на Татаръ, а на Даніила. На это заключеніе невольно наводитъ послѣдующій разсказъ Лѣтописи, гдѣ говорится, что изъ Чернигова Михаилъ отправился къ Батыю просить *волости своея отъ него* (14), а не волости *собѣ*. Ясно: самъ Лѣто-

(12) Ипат. Лѣт.

(13) Ист. Гос. Рос. Т. IV. гл. I, стр. 23, изд. Эйнерлинга. То же повторяетъ и Полевой.

(14) Ипат. Лѣт. подъ 1245 г.

писецъ намекаетъ на то обстоятельство, что Михаилъ только и хлопоталъ, какъ бы избавиться ему отъ Даніила. При томъ же зналъ ли Ростиславъ о намѣреніи отца ѣхать къ Хану, и не легче ли было ему дѣйствовать съ нимъ за одно, нежели отдѣльно (противъ Татаръ или Даніила, все-равно), въ то время, когда, собравъ множество Угровъ, выпросилъ у тестя дозволеніе выйти на Перемышль (15). Здѣсь опять невольно возвращаемся къ первому положенію: какое право имѣлъ Ростиславъ ратовать противъ Даніила? Происходя по прямой линіи отъ Олега Черниговскаго, сына Князя Святослава Ярославича, третьяго сына Ярослава Владиміровича, на долю котораго по смерти послѣдняго достался Черниговъ, — эти Олеговичи не разъ являлись въ Русской Исторіи претендентами Великокняжеской власти и долго оспаривали это достоинство у потомковъ Владиміра Мономаха. Сынъ Олега Черниговскаго — Всеволодъ Олеговичь держалъ Великое Княженіе съ 1139 по 1146 годъ. Внукъ его Всеволодъ Святославичь Чермный является Удѣльнымъ Черниговскимъ Княземъ до 1210 г.; онъ владѣлъ нѣкоторое время Кіевомъ, и скончавшись въ 1215 г., передалъ въ свою очередь сыну своему Михаилу, отцу Ростислава стяжаніе Великокняжескаго достоинства Русскія земли. Отсюда объясняется стремленіе къ первенству Михаила, а за нимъ и Ростислава и взаимная вражда Олеговичей съ Романовичами.

---

(15) *Ипат. Лет.* Умоливъ Угоръ много, просился у тьстя, да выйдетъ на Перемышль, вшедшу ему собравше смерды многы пѣшцѣ, и собра я Перемышль.

Но какъ бы то ни было, Михаилу скорѣе отказалъ не сынъ, а Король, и какъ только Михаилъ уѣхалъ, Ростиславъ, собравъ Угорское войско, выпросилъ у тестя дозволеніе попытать новаго счастія на Руси. Для отраженія его Даніилъ послалъ сына своего Льва, и по молодости послѣдняго далъ ему въ сотрудники ратные *сыновца своего Всеволода, Андрея и Якова* и другихъ Бояръ (16). Войска встрѣтились на рѣкѣ Сѣчницѣ. Превосходство Ростиславовой пѣхоты заставило Воеводъ Галицкихъ отступить. Самъ Всеволодъ, по выраженію Лѣтописи, *не поможе имъ и наворотиконь свой на бѣгъ* (17). Даніилъ, узнавъ объ успѣхахъ Ростислава, поспѣшилъ явиться съ свѣжими силами и успѣлъ прогнать ихъ изъ своей области (18).

Прошло еще четыре года и Ростиславъ снова снимается съ Мачвы войною на Даніила. Въ 1249 г. предводимое имъ новое войско Угорское вторгается въ Юго-Западные предѣлы Россіи. На этотъ разъ однакожь, кромѣ Угровъ, Ростиславъ склонилъ и Лѣшка, Короля Польскаго, *да пошлетъ съ нимъ Ляхи.*

Предводительствуя Польско-Венгерскимъ войскомъ, въ которомъ находились и Руссы, преданные ему, онъ подступаетъ сперва къ Ярославлю. Увидѣвъ же, что городъ этотъ былъ укрѣпленъ, обратился къ Перемышлю, гдѣ, собравъ жителей, *сосуды ратные и градные и пороки* (т. е. стѣнобитныя.

---

(16) Ипат. Лѣт. подъ 1245.

(17) Тамъ же.

(18) Тамъ же.

орудія) снова устремился къ Ярославлю, расчитывая: *аще сего не пріиму, да сего держу.* Мы сказали, что Ярославль былъ сильно укрѣпленъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ находились люди, преданные Даніилу и Василько, и въ случаѣ надобности надѣялись получить скорую помощь отъ сихъ послѣднихъ. Они рѣшились выдержать осаду непріятеля. Съ своей стороны Ростиславъ, желая повести осаду города по всѣмъ пріемамъ тогдашняго искусства, приказалъ построить тараны и валы. Такъ какъ турниры и ристалища были въ это время въ употребленіи у Венгровъ, то Ростиславъ, для сокращенія времени, устроилъ подъ стѣнами Ярославля рыцарскую игру, къ великому удивленію осажденныхъ. Лѣтописецъ Русскій весьма чистосердечно и подробно описываетъ этотъ случай, во всемъ сходный съ извѣстіями Западныхъ Историковъ. «Стоящу же ему (Ростиславу) у града и строящю порокы, ими же пріиметъ градъ, и бысть бой великъ предъ градомъ; оному же велѣвшу своимъ охабитися, да не язвени будутъ вои его отъ гражанъ, дондеже устроитъ сосуды порочные. Хвалящю же ся ему предъ вои своими и рекшу: *аще быхъ извѣдалъ кдѣ Данила и Василка, пхалъ быхъ на ня, аще бы ми съ десятью воинъ, пхалъ быхъ на ня.* Гордящу же ся ему и сотвори игру предъ градомъ, и сразивъшуся ему со Воршемъ и падеся подъ нимъ конь и вырази собѣ плече, и не на добро случися ему знаменіе». Вскорѣ явились Даніилъ, братъ его Василько и сынъ перваго Левъ Даніиловичь со вспомогательнымъ Литовскимъ отрядомъ, посланнымъ Миндовгомъ. 18 Августа произошла подъ стѣнами Ярославля сильная и упорная

битва, въ которой Ростиславовы Русы, Угре и Поляки были совершенно разбиты, въ которой самъ Ростиславъ, не будучи въ состояніи управлять и распоряжать войскомъ, вывихнувши себѣ на турнирѣ плечо, потерявъ во время схватки коня, — едва не лишился жизни, и былъ обязанъ спасеніемъ Угорскому Боярину Лаврентію, который отдалъ ему своего коня (19). Подробности этой битвы въ Ипатіевской Лѣтописи расказаны такъ живо и обстоятельно, съ точнымъ обозначеніемъ самой мѣстности, что, нѣтъ сомнѣнія, описаніе ея принадлежитъ очевидцу. Приближаясь къ Ярославлю, Даніилъ и Василько послали въ городъ Боярина Андрея, какъ вѣстника о близкомъ спасеніи. «Когда же воины — говоритъ Лѣтопись — не доходя еще рѣки Сяна, стали приготовлять свое оружіе, то увидѣли они чудное явленіе: словно черная туча налетѣли со всѣхъ сторонъ надъ ихъ полкомъ стаи орловъ и вороновъ, и весело было птицамъ въ воздушномъ пространствѣ. Орлы заклектали и расширивъ крылья, быстро и плавно разсѣкали воздухъ. Никогда и нигдѣ прежде ничего подобнаго не было. И къ добру было имъ это знаменіе». Даніилъ и Василько поспѣшили переправиться чрезъ Сянъ, расположивъ Половецкіе полки въ авангардѣ. Юный Левъ Даніиловичь былъ порученъ одному изъ Васильковыхъ Бояръ, чтобы

---

(19) Случай этотъ упоминается въ грамотѣ, данной Белою IV Лаврентію, придворному своему Сульѣ 13 Апрѣля 1264 г., и напечатанной Тимономъ въ Imago novae Hungar. p. 79. Русскій Лѣтописецъ не знаетъ, впрочемъ, этого обстоятельства. Въ той же грамотѣ говорится и объ Ярославльской битвѣ.

стеречь его во время битвы. Ростиславъ, видя приближающихся враговъ, выступилъ противъ нихъ, оставивъ у воротъ Ярославля часть пѣхоты, чтобы изъ города не вышли на помощь Даніилу и не уничтожили бы построенныхъ имъ *пороковъ*. Устремившись на полкъ Даніила, Ростиславъ былъ остановленъ Боярином Андреемъ, поспѣшившимъ со своимъ отрядомъ отрѣзать ему дорогу. Ударъ былъ такъ стремителенъ, что отъ изломавшихся копій, *яко отъ грома тресновеніе бысть*, и съ обѣихъ сторонъ многіе за-мертво пали съ коней. Тогда Даніилъ, видя, что Андрей остался съ малой дружиной, отрядилъ къ нему на подмогу двадцать избранныхъ ратниковъ.

Съ другой стороны, Поляки шли на отрядъ Василька *керьлешь поюще*, между тѣмъ какъ Венгерскій Воевода Фильній (banus Fyle), стоя въ заднемъ полку съ знаменемъ, подстрекалъ своихъ слѣдующими словами: «Русь съ жаромъ бросается въ первый пылъ битвы; стерпимъ ихъ устремленіе, продолжительную сѣчу не выдержать имъ» (20). Въ самомъ жару схватки Левъ Даніловичь, устремившись на Венгерскаго военачальника, *о того же гордаго Филю*, не смотря на юность свою, неустрашимо *изломи копье свое*. Но вскорѣ подоспѣлъ самъ Даніилъ, разстроилъ Венгерскую дружину, разорвалъ на-полы непріятельское знамя и заставилъ Угровъ отступить съ большимъ урономъ.

---

(20) Русь тщиви суть на брань, да стерпимъ устремленія ихъ, не стерпими бо суть на долго время на сѣчю.

Въ то самое время какъ Ростиславъ съ Уграми отступалъ предъ Даніиломъ, Польская дружина схватывалась съ отрядомъ Василька, самохвально издѣваясь надъ ратниками послѣдняго: *поженемъ на великыи бороды!*— «*Ложь глаголъ есть ващъ*»— отвѣчалъ неустрашимый Василько и устремилъ коня своего въ сѣчу. Поляки не выдержали и тутъ же обратились въ бѣгство. Послѣдній ударъ былъ нанесенъ. Ростиславу оставалось только бѣжать, страшась погони, которую, впрочемъ, по настойчивости Василька, Даніилъ велѣлъ отмѣнить. Множество труповъ легло на мѣстѣ битвы; множество было взято въ плѣнъ, въ числѣ которыхъ и *Филя гордый*, взятый Андреемъ, былъ казненъ по приказанію Даніила. Боярин Жирославъ привелъ Владислава, *злого мятежника земль*, котораго Даніилъ также велѣлъ казнить. Даровалъ Богъ побѣду сію наканунѣ Св. Великомучениковъ Фрола и Лавра, т. е. 28 Августа 1249 г. Ростиславъ же убѣжалъ въ Польшу, взялъ оттуда жену свою, и возвратился въ Мачву, поселясь въ резиденціи своего новаго удѣла, Бѣлградѣ. «Изъ Угоръ пришелъ онъ съ женою въ Польшу съ намѣреніемъ взять Галичь и обладать имъ; Богъ же за высокомысліе его не сдѣлалъ того, чего онъ хотѣлъ» (21). Этими словами кончается въ Русской Лѣтописи сказанніе о подвигахъ Ростислава въ Юго-Западной Руси.

---

(21) Ипат. Лѣт. 1249 г.

Мачва въ настоящее время, составляя *кнѣжину* (22) Шабацкаго Округа, занимаетъ пространство между рѣками Дрипомъ, пониже города Ложницы, и Савой и горою Церъ. По ровной долинѣ этой Кнежины, отъ самаго Дрина и до Шабца, тянется дубовый лѣсъ *Китогъ* и трясины *Цьрка-Бара*. Богатая и плодоносная долина Мачвы населена нынѣ выходцами Босняцкихъ Сербовъ, села которыхъ расположены по живописнымъ и зеленѣющимъ берегамъ Засавицы. Рогатый скотъ, кони и хлѣбъ издревле обилуютъ въ большомъ количествѣ

«Въ Мачвѣ пышной и богатой» (23).

Этотъ краткій топографическій очеркъ Мачвы современной, входившей однакожь въ составъ древняго удѣла, едва ли можетъ дать понятіе о положеніи и пространствѣ, какое имѣла она, когда Ростиславъ Михайловичъ получилъ ее въ приданое за

---

(22) Въ нынѣшней Сербіи нахіи или округи раздѣлены на Кнѣжины; такъ напр.: Кнежины Шабацкаго Округа суть: Мачва, Поцерина (около горы Церъ), Тавнава на рѣкѣ того же имени. Зворницкій Округъ имѣетъ — Жадаръ, Радженицу и др.

(23) У богатой и поносной Мачвы Србе. пѣсн.

своею женой: посему постараемся изобразить географію этого Княжества въ XIII вѣкѣ.

Исторически извѣстно, что Императоръ Мануилъ Комнинъ, утвердившись на Цареградскомъ престолѣ, во все продолженіе 37-лѣтняго царствованія, не переставалъ имѣть непосредственное вліяніе на сосѣднія Гасударства. Кромѣ горъ Тавра, прибрежій Иллиріи и Италіи, морей Сициліи и Архипелага, — самыя долины Дуная и Угорской земли, горы и лѣса Сербіи были поперемѣнно свидѣтелями битвъ Мануила. Смерть его, случившаяся въ 1180 г., дала наконецъ возможность отдохнуть въ свою очередь Сербіи и Венгріи. Урошъ Бѣлый полагаетъ начало независимости первой, между тѣмъ какъ Бела III безпрепятственно занимаетъ земли по рѣкѣ Савѣ — Кроацію, часть Далмаціи, а по Дунаю — Смедерево (Семендрію), Бѣлградъ и Браничево (Панчово). Въ продолженіе 60 лѣтъ земли сіи находились въ зависимости отъ Венгріи, не имѣя никакой административной организаціи, и только въ 1247 г. Бела IV, отдѣливъ часть ихъ отъ рѣкъ Болгарской или Великой Моравы, вдоль Савы и Дрину пониже города Ложницы, отдалъ въ управленіе зятю своему Ростиславу. Княжество это получило названіе Мачвы отъ укрѣпленнаго замка того же имени Machow— говоритъ Тимонъ; предѣлы же, въ которыхъ заключалось это Княжество, тотъ же Тимонъ изобразилъ слѣд. словами (24): «est provincia finitima Coviniensi», — Комитата Кеве (25), «procurrens

(24) Imago Hung. novae. Cap. IV.

(25) Комитатъ Кевскій занималъ пространство вдоль праваго берега Дуная, отъ устья Велик. Моравы до ст. Орсовы.

a Sava Maravam versus, irrigua flumine Colubra». Съ Западной стороны Мачва граничила Комитатомъ Бродскимъ (26) (Comitatus Obracensis inter Savum et Drinum) и Комитатомъ Сребернпкскимъ (27), (Comitatus Zrebernikensis), — составляющими въ настоящее время часть Сѣверо-Восточной Босніи. Комитаты эти входили въ управленіе Мачевскаго Князя, резиденціей котораго былъ, какъ замѣчено выше, Бѣлградъ на Дунаѣ.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что Мачевскій удѣлъ Ростислава Михаиловича заключался въ земляхъ между рѣками Великой Моравой и Дриномъ, текущими параллельно и впадающими одна въ Дунай, другая въ Саву. Въ самой срединѣ этого удѣла, плодоносный бассейнъ рѣки Колобары, изливающейся въ Саву и принимающей въ себя множество небольшихъ, побочныхъ рѣчекъ, по всѣмъ направленіямъ и на большое пространство орошаетъ богатыя пажити долинъ, опушенныхъ лѣсистыми горами. Города: Браничевъ (нынѣ Паичово) (28), и Бѣлградъ, на Дунаѣ; Савацъ (нынѣ Шабацъ), на р. Савѣ; Лешница и Ложница на р. Дринѣ, Валіево на р. Колобарѣ,— замѣчательны и въ настоящее

(26) На р. Савѣ, Бродъ, пониже устья р. Окрины.

(27) Сребреница, на р. Дринѣ, между Зворникомъ и Вышеградомъ.

(28) Зап. Лѣтописи «Бранічево наз. Бранічъ и Брандензъ. Бѣлградъ—Belegravae. См. Gesta Dei per Francos. T. 1, p. 186.— У Кинама Бранічево отдѣлено отъ Бѣлграда и Сирміи (Срему) Дунаемъ. Упоминаемая въ Райнальдовыхъ Annales Eccl. (T. XIII. p. 123). Болгарская Епископія — Brandizuberensis— была именно Бранічевска. Въ X в. городъ этотъ принадлежалъ еще Болгаріи. Подробнѣе см. Шафарика Slow. Starożyt. Часть II, въ отдѣленіи— «Славянскіе Болгаре».

время своею населенностію, а въ нѣкоторыхъ видны еще слѣды развалинъ древнихъ укрѣпленій.

О внутреннемъ управленіи Мачвы положительно ничего не извѣстно. Достовѣрно однакожь, что всѣ Комитаты, находившіеся по правую сторону рѣкъ Дуная и Савы, были подвластны Мачевскому Князю или Бану, а слѣд. и самая Боснія подчинена была его управленію. И въ этомъ смыслѣ Ростиславъ Михайловичь Черниговскій былъ первымъ Русскимъ Удѣльнымъ Княземъ на Дунаѣ.

Въ вышеизложенномъ мы видѣли Кн. Ростислава на Руси, какъ рѣзкое выраженіе Удѣльнаго періода; видѣли его въ Угорской Землѣ, откуда не разъ стремился онъ присвоить себѣ права, оспариваемыя болѣе счастливымъ противникомъ его— Даніиломъ. Битва при Ярославлѣ едва ли могла отбить у Ростислава охоту на родовое притязаніе, еслибы опора, которую, съ одной стороны, имѣлъ онъ въ тестѣ своемъ Белѣ IV, съ другой — въ Польшѣ, могла еще длиться. Но Бела, слѣдя подозрительно за сосѣдомъ своимъ Премыславомъ—Оттокаромъ II, во всякомъ случаѣ отказался бы сдѣлать новую попытку на Галичь, и Ростиславъ долженъ былъ довольствоваться Мачвою.

Но другія событія, другая страна призываютъ наше вниманіе, — это Болгарія, которая, въ эпоху нашего разсказа, представляла, болѣе нежели когда-либо, пародію Византійской жизни, бывшей слѣдствіемъ почти полутора-вѣковой зависимости этой страны отъ Имперіи. Новая династія въ лицѣ Асѣня (1186) не положила никакихъ прочныхъ основъ новой политической жизни. Короткое, но энергическое царствованіе Іоанна I (Каліана съ 1196—1207), не надолго успѣло отстранить съ одной сторо-

ны духовное вліяніе Запада, съ другой стремленіе Крестоносцевъ Константинополя утвердиться во Ѳракіи. Іоаннъ явился въ Болгаріи въ такое время, когда Юго-Востокъ Европы сильно колебался между Православіемъ и Папизмомъ, и между тѣмъ онъ съумѣлъ противопоставить свою политику политикѣ первѣйшаго мужа Запада, — Папы Иннокентія III, а битвой въ Габровскихъ ущельяхъ и смертію Балдуина успѣлъ въ самомъ началѣ пошатнуть власть Латиновъ, временно воцарившихся въ Царѣградѣ.

Наступаетъ 24-лѣтнее царствованіе Іоанна II Асѣня (1217—1241), сына «стараго Асѣня» — какъ сказано въ Synodikѣ Царя Борила. — «Иже многа любовь имѣя къ Богу, прославивъ и просвѣти Блъгарское Царство паче всѣхъ Царей Блъгарскихъ бывшихъ прежде его»..... Нѣтъ сомнѣнія, что Болгарскій Лѣтописецъ даетъ это мѣсто Іоанну Асѣню въ числѣ регентовъ новой династіи. Родство съ Венгерскимъ Домомъ, союзъ съ Іоанномъ Ватаци, миролюбивыя отношенія къ Сербіи, — дали возможность спокойному и долгому царствованію его заняться исключительно внутреннимъ устройствомъ Болгарской земли; но къ несчастію Іоаннъ II успѣлъ только на нѣсколько лѣтъ отстрочить новые безпорядки.

Іоаннъ Асѣнь умеръ въ 1241 г. Престолъ, по порядку наслѣдства, принадлежалъ малолѣтному сыну его Коломану, рожденному отъ Маріи Венгерской (29). Малолѣтство и неопытность юнаго Ца-

(29) По извѣстіямъ Западныхъ Историковъ, Коломанъ, вступая на престолъ, былъ не болѣе 14 лѣтъ, между тѣмъ какъ Византійскіе полагаютъ его по 8 году. Сбивчивость Византійскаго лѣ-

ря заставили Верховный Совѣтъ Бояръ возобновить союзъ, заключенный еще въ 1226 г. между Іоанномъ Асѣнемъ и Ватаци.

Но, видя теперь на престолѣ Болгаріи слабаго ребенка, послѣдній не устоялъ и, переправившись чрезъ Геллеспонтъ, устремился на Солунь. Почти въ то же время Ватаци получилъ извѣстіе, что Азіатскимъ его владѣніямъ угрожаютъ Монголы. Это обстоятельство заставило его отложить до другого времени свои намѣренія на Болгарію и переправиться обратно въ Малую Азію.

Въ 1244 г. начались переговоры между Болгарскимъ Правительствомъ и Иннокентіемъ IV, о соединеніи Церквей. Папа 1245 г. особой грамотой приглашалъ Коломана къ созванію Собора и въ этой-то грамотѣ именуетъ его *Царемъ Болгаріи*. Но смерть послѣдняго прекратила сношенія съ Римомъ.

Ватаци изъ Азіи поспѣшилъ опять во Ѳракію. Достигнувъ береговъ Марицы, онъ узналъ о смерти Коломана, которому наслѣдовалъ (1245) братъ его

тосчисленія очевидна изъ показанія, что І. Асѣнь умеръ въ одномъ году съ Императрицей Ириной, женой І. Ватаци, т. е. 1245, тогда какъ послѣдній годомъ прежде, т. е. въ 1244, вступилъ во второй бракъ, а Папа (Иннокентій IV) въ одной буллѣ называетъ Коломана Царемъ Болгаръ уже въ 1243 г., слѣд. этотъ годъ не можетъ быть годомъ смерти І. Асѣня.

І. Асѣнь отъ первой своей жены, Маріи, дочери Венгерскаго Короля Андрея II, имѣлъ дѣтей: Коломана, Елену, которая вышла за Ѳ. Ласкара, Никейскаго Императора, и еще одну дочь и сына, который, по Византійцамъ, исчезаетъ въ 1237 г. Отъ второй жены Ирины, дочери Ѳедора Ангела — сына Михаила Іоанновича и дочерей Марію и Анну.

Михаилъ Іоанновичь Асѣнь, рожденный отъ Ирины. Стремленіе Ватаци обратить Болгарію въ область Византійской Имперіи, хотя и было остановлено нѣсколько лѣтъ тому, сперва Іоанномъ Асѣнемъ, потомъ нашествіемъ Монголовъ, явно выразилось теперь при малолѣтномъ Михаилѣ. Предмѣстья укрѣпленнаго Сереса были заняты Греческими войсками, а вскорѣ и самая крѣпость передалась подкупомъ Воеводы Драгота (*Δραγότας*). Затѣмъ не замедлилъ присоединиться къ Ватаци и Меленикъ, подъ предлогомъ, что онъ скорѣе желалъ быть подъ управленіемъ Ѳ. Ласкара, зятя Іоанна Асѣня, за которымъ была дочь послѣдняго, Елена, нежели подъ управленіемъ Терновскихъ Бояръ, употреблявшихъ во зло власть свою по случаю малолѣтства Михаила. Примѣру этихъ городовъ не замедлили послѣдовать Стапимакъ и Чепино (нынѣ Чирпанъ), у горъ Родопскихъ; также значительные города Македоніи: Стумніумъ (Истипъ) на р. Брянистѣ, Котобъ (нынѣ Кюприли) на р. Вардарѣ, Ископъ и Прилѣпъ. Видя, съ какимъ успѣхомъ дѣйствуетъ Греческое оружіе въ предѣлахъ Болгарскаго Государства; видя, какъ почти безъ всякаго сопротивленія одни послѣ другихъ отпадаютъ города подъ власть Грековъ,— Терновцы рѣшились наконецъ выслать войско во Ѳракію и Македонію. Тогда Ватаци поспѣшилъ вступить въ переговоры, и показавъ, какъ необходимо было ему, утвердившись во Ѳракіи, вѣрнѣе дѣйствовать противъ общаго врага, Латиновъ Константинополя, — успѣлъ удержать за собою занятыя безъ кровопролитія города и положить границу между Болгаріей и Имперіей рѣку Марицу (1246). Отсюда Ватаци

обратился къ Солуни, гдѣ управлялъ Деспотъ Димитрій, зять Іоанна Асѣня (30), и овладѣвъ городомъ, только по усиленной просьбѣ сестры его Ирины, вдовствующей Царицы Болгарской, былъ пощаженъ и отправленъ въ Малую Азію. Сама Ирина вынуждена была найти себѣ убѣжище въ Терновѣ у своего сына Михаила Іоанновича.

Въ продолженіе слѣдующихъ девяти лѣтъ Болгарія наслаждалась спокойствіемъ, и только безпрестанныя побужденія Ирины отмстить Ватаци смерть ея брата Димитрія и возвратить ей Солунскій Удѣлъ, принудили Михаила рѣшиться на новую войну съ Греками. Но слабому Михаилу не по плечу было бороться съ даровитымъ и мужественнымъ Ватаци (31). Онъ искалъ себѣ союзника и никто не могъ

---

(30) Сынъ Ѳ. Ангела.

(31) Мы будемъ въ другой разъ имѣть случай болѣе распространиться о личности Іоанна Дуки Ватаци, и вообще о родѣ Воеводъ (dux. δοὺκας) Ватаци, переселившихся изъ Болгаріи въ Димотику, и давшихъ Никейской Имперіи двухъ Царей. Занимательна и въ высшей степени интересна та часть Византійской Исторіи, гдѣ представителями Имперіи являются Славяне. Кромѣ трехъ династій, одной Сербской — при Іустинѣ, другихъ двухъ Болгарскихъ — при Василіи Македонскомъ и Ватаци, — множество Славянъ по гражданской части, и еще болѣе по военной, занимали разновременно высшія должности въ Имперіи. И не смотря на искаженное правописаніе нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, не смотря на огреченіе другихъ, — читая Греческія Лѣтописи не льзя не замѣтить чисто-Славянскій характеръ этихъ людей, безкорыстіе и самоотверженіе, съ какими они служили Имперіи. Мы имѣли уже случай выразиться, что В. Р. Имперіи безпрепятственно открывала путь къ своей гражданственности каждому народу, «сосѣду-варвару», — какъ выражались во

болѣе оправдать его надеждъ, какъ именитый Князь Мачвы, Ростиславъ Михаиловичь.

Трудно узнать, въ которомъ году совершился бракъ Михаила Іоанновича съ дочерью Ростислава. Лѣтописи не представляютъ намъ по этому случаю никакихъ данныхъ. Самъ Ростиславъ, какъ зять Михаила, является въ Болгаріи въ 1258 году подъ искаженнымъ именемъ *Ῥῶσος Υ̓͂ρος* (Acropolita, annales, c. 62); однакожь нѣтъ сомнѣнія, что до этого еще времени Михаилъ былъ, если не обвѣнчанъ, то по крайней мѣрѣ обрученъ съ дочерью Ростислава (32).

Влахернахъ; что каждый, полагаясь на свои личныя достоинства, могъ легко составить партію и достигнуть высшихъ почестей въ Государствѣ. Скажемъ болѣе: только для непосвященныхъ, только для тѣхъ, которые думаютъ видѣть въ В. Р. И. одну Греческую народность, останется до тѣхъ поръ непонятною ея Исторія, пока не разъяснится минувшая судьба народовъ, входившихъ въ ея составъ, преимущественно народовъ Славянскаго племени.

(32) Палацкій, въ статьѣ: *О Русскомъ Князѣ Ростиславѣ*, отвергаетъ возможность этого родственнаго союза. «Не льзя думать» — говоритъ онъ — «чтобы Ростиславъ, женившійся только въ 1243 г., могъ уже около 1258. (?) выдать дочь свою за Михаила Асѣня, и чтобы сынъ его (т. е. Ростислава) Михаилъ, взялъ себѣ тоже въ 1258 г. въ супруги сестру упомянутаго Михаила Асѣня; ибо очевидно, что это ошибочное имя, Rosos Uros, должно относить къ тогдашнему Сербскому Королю Степану Урошу». На первое мы отвѣтимъ, что по счету Палацкаго дочери Ростислава было уже 15 лѣтъ, слѣд. года не могли быть препятствіемъ бракосочетанію. Есть много примѣровъ, что политическіе браки совершались въ самомъ нѣжномъ возрастѣ сочетавшихся; наприм. Еленѣ, дочери Іоанна II Асѣня, было не болѣе 10 лѣтъ, когда она вышла за Ѳ. Ласкара— *συζευγνύουσιν*

Въ промежуткѣ этого времени т. е. до 1255 г. Верховный Совѣтъ Терновскихъ Бояръ тайно приготовлялъ волненіе въ отнятыхъ I. Ватаци у Болгаръ городахъ Ѳракіи и Македоніи, заключавшихъ населеніе исключительно Болгарское. Въ этомъ году умеръ Ватаци. Сынъ его Ѳедоръ Ласкарь не долго заставилъ себя ждать и поспѣшилъ въ Европу удержать завоеванія своего отца. Предоставимъ Акрополитѣ, какъ очевидцу, расказать первый походъ Ласкара противъ Болгаръ. Подстрочный переводъ этого мѣста изъ его хроники дастъ понятіе о способѣ писанія Византійцевъ и покажетъ, до какой степени они искажали не только мѣстныя Славянскія названія, но даже не старались замѣтить собственныя имена начальниковъ непріятельскаго войска.

Ἑλένῃ τῇ τοῦ Ἀσὰν δυγατρὶ δεκαετεῖ οὔσῃ. . . . Gregorae Hist. Byz. II. 3. О Михаилѣ Ростиславичѣ или Мичѣ поговоримъ въ своемъ мѣстѣ. Касательно же догадки Палацкаго, что Rosos Uros Акрополиты былъ Стефанъ Урошъ, Краль Сербскій, мы укажемъ на самаго Великаго Логоѳета Имперіи, которому, болѣе нежели кому-либо, были извѣстны дѣла и политическія отношенія сосѣднихъ Государствъ. При томъ Акрополита болѣе многихъ Историковъ достоинъ вѣроятія, находясь лично при Императорѣ въ его походахъ, и будучи часто свидѣтелемъ того, о чемъ повѣствуетъ. Хроника Акрополиты не велика въ объемѣ; въ ней заключаются событія 58—60 годовъ не болѣе (съ 1203—1261), а между тѣмъ съ какою подробностію все разсказано, съ какою отчетливостію выставлены движенія Греческихъ и Болгарскихъ войскъ по Ѳракіи и Македоніи. Удержи онъ только правильное названіе мѣстъ, имъ уже поименованныхъ, приведи онъ въ извѣстность хотя нѣкоторыхъ изъ государственныхъ мужей Болгаріи и Сербіи,— и Лѣтопись его была бы для насъ драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ того времени.

Acrop. Ann. c. 54. (1256). «Причина, по которой Ѳ. Ласкаръ оставилъ Никею, была слѣдующая: Михаилъ, Царь Болгарскій, шуринъ Императора, рожденный отъ тестя Ласкара Іоанна II Асѣня и дочери Ѳедора Ангела, Ирины,—узнавъ, что Іоаннъ умеръ (33), и видя Западныя страны упраздненными отъ Римскихъ войскъ, воспользовался случаемъ присоединить ихъ опять къ Болгаріи. Города эти были отняты у Болгаръ Іоанномъ Ватаци, почему онъ (Михаилъ), не теряя времени, спустился съ горъ Гема, перешелъ Евръ (Марицу), и, въ короткое время, безъ большаго труда занялъ много городовъ и мѣстъ. Болгарское населеніе этихъ странъ съ радостію переходило къ своимъ землякамъ, свергая чужеземное иго. Римскіе гарнизоны не были въ состояніи отстоять занимаемыя ими укрѣпленія. Однихъ страхъ заставлялъ сдаваться, другіе, при нечаянномъ нападеніи непріятеля, и не имѣя надежды на помощь, разбѣгались, оставляя свои жилища. Многіе изъ этихъ городовъ не были укрѣплены, даже не имѣли оружія. Въ короткое время были покорены Стенимакъ, Принципа (34), Чепино (35), Кричимъ, кромѣ Миляка, который одинъ оставался еще во власти Римлянъ; но Устра (36), Перперакій и Кривый, а также близъ Дряпополя лежащій городъ Ефремъ, перешли къ Болгарамъ. Когда Императоръ узналъ о понесен-

(33) Т. е. Іоаннъ Ватаци.

(34) Нынѣ Престово.

(35) Нынѣ Чирпанъ.

(36) *Оυστρα* — Острово, на озерѣ того же имени. Срв. Острови ца, городъ въ Далмаціи, и *Острво*, село у города Ложницы, на Дринѣ.

ныхъ Римлянами потеряхъ на Западѣ, и предвидя еще большее зло въ будущемъ, тогда приближенные Государя сильно были потрясены этою вѣстію. Зная при томъ, что Западныя провинціи большею частію населены Болгарами, и не смотря на то, что были покорены Царемъ Іоанномъ (Ватаци), но покореніе не было утверждено вполнѣ, и что они всегда питали сильную вражду къ Римлянамъ» (37).

(1256) «Поспѣшно перейдя Геллеспонтъ, Ласкаръ достигъ Адріанополя, и употребивъ здѣсь на роздыхъ только одинъ день, снова пустился въ дорогу. Одинъ изъ Болгарскихъ соглядатаевъ, видя, что Царь оставилъ Адріанополь, поспѣшилъ къ своимъ (они же стояли лагеремъ около Марицы) — и извѣстилъ ихъ объ этомъ, сказавъ при томъ, что непріятель скоро сдѣлаетъ нападеніе. Клятвой утверждалъ онъ при этомъ, что самъ видѣлъ Ласкара, когда тотъ проѣзжалъ мостъ, построенный близъ города на р. Марицѣ. Извѣстіе это привело Болгаръ въ смятеніе: они не рѣшались оставить занятую ими позицію, доколѣ не удостовѣрятся въ полученной вѣсти и не обдумаютъ хорошо, на что должно имъ рѣшиться.

«Съ другой стороны и Императоръ узналъ, гдѣ и въ какомъ положеніи находится войско Болгаръ. Посему онъ поспѣшилъ выступить, понуждая коней, и ничего не желалъ болѣе, какъ только бы скорѣе встрѣтиться съ непріятелемъ. Но лишь только пустился онъ въ дорогу, случилось такъ, что онъ не могъ найти непріятеля: потому что тѣ, ко-

(37) Acrop. c. 54.

торые предшествовали Римскому войску (здѣсь Лѣтописецъ подразумѣваетъ шедшихъ на рекогносцировку), наткнулись на сторожевыхъ изъ Болгарскаго аріергарда, и однихъ изъ нихъ убили, другихъ взяли въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и ихъ начальникъ. Остальные, убѣжавъ, среди темной ночи достигли главнаго войска, и разсказавъ о случившемся, увѣряли, что самъ Царь скоро и ихъ настигнетъ. Тогда всѣ Болгаре, не теряя времени, даже и самъ ихъ воевода, садятся на коней и быстро удаляются во внутрь страны.

«При этомъ поспѣшномъ отступленіи, многіе изувѣчили свои лица вѣтвями, густо сплетенными въ этомъ мѣстѣ. Отъ этого самаго пострадалъ и ихъ предводитель. Многіе не успѣли даже осѣдлать своихъ коней и только бѣгствомъ избавились острія Римскаго меча. На разсвѣтѣ, когда самъ Царь явился на это мѣсто, огорчился онъ, увидя его упраздненнымъ отъ Болгарскаго войска; но что же было дѣлать? Посовѣтовавшись, онъ обратился къ Вереѣ, и какъ только явился туда, то одного его приказанія было достаточно, чтобы городъ былъ занятъ: потому что всѣ стѣны были въ развалинахъ и отовсюду можно было входить. Мѣсто это было такъ же разорено Болгарами, какъ и другіе Римскіе города, не смотря на то, что обитатели страны старались оградить свои жилища большими бревнами. Здѣсь и кони и воины нашли обильный запасъ съѣстнаго. Вскорѣ Царь былъ въ состояніи войти во внутрь страны до самаго Гема и занять безъ сопротивленія находившіеся въ горахъ города (потому что онъ навелъ на Болгаръ большой страхъ), — если бы не

воспрепятствовала тому вдругъ наставшая сильная стужа и глубокій снѣгъ, такъ что его совѣтникамъ казалось лучше не оставаться и не задерживать долѣе Римское войско въ чужой и непріятельской сторонѣ. И такъ, прождавъ еще 6 дней, Царь, имѣя другое намѣреніе, сдѣлалъ свои распоряженія въ Вереѣ; затѣмъ приказалъ гнать къ Адріанополю все, что могло двигаться, т. е. мужей, женъ, дѣтей, овецъ, воловъ и проч.» (38).

(1257)— «Здѣсь, собравъ лучшее войско, повелъ его къ городамъ, около Охридъ лежащимъ, бывшимъ предъ тѣмъ во власти Болгаръ; а теперь они достались опять Римлянамъ. Такимъ образомъ Римскіе военачальники пришли въ эту сторону, и войскомъ и другими орудіями легко заняли укрѣпленныя мѣста. Болгаре же спѣшили оставить цхъ, видя сильное войско непріятеля. Въ короткое время оно заняло много мѣстъ. Самъ же Царь, во главѣ отборнаго отряда, пошелъ на города, лежащіе въ Родопскихъ горахъ, занялъ тамъ Прищицу, Стенимакъ, а за ними Кричимъ. Города эти были расположены на передовой отлогости Родопа, и служили защитой лежащимъ за ними въ горахъ. Затѣмъ, среди самой зимы, пустился онъ въ Чепино, но непроходимыя мѣста и сильная стужа заставили его остаться здѣсь. Когда наступила весна, онъ послалъ приказъ Стратигопуло Алексію и Торнику Константину — (послѣдняго Царь Іоаннъ возвелъ въ достоинство великаго Примикира), — находившимся, со своими отрядами въ Серахъ, поспѣшить со

(38) Acrop. c. 56.

всѣмъ войскомъ въ Чепино,— что̀ они и исполнили. Но здѣсь-то они и показали себя дурными военачальниками: потому что ни войско, ни его предводители не оказались достойными. Лишь только заслышали звукъ трубъ и литавръ, — безчинно обратились въ бѣгство, оставивъ всѣ военные спаряды и даже коней Болгарскимъ пастухамъ и свинопасамъ, а сами поспѣшили укрыться въ Серъ безъ коней и безъ оружія. Тогда Царь сильно разгнѣвался и приказалъ имъ явиться къ назначенному мѣсту въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся, но они не могли этого сдѣлать» (39).

(1257).— «Послѣ этого случилось еще нѣчто худшее, нанесшее большой вредъ Римлянамъ. Бывшій начальникъ Меленикскаго гарнизона, именемъ Драготъ (*Δραγότας*), который, какъ Болгаринъ, питалъ къ Римлянамъ великую злобу, болѣе отъ того, что ненавидѣлъ Царя (потому что надѣялся получить отъ него много добра, не ставя ни во что полученные уже имъ дары отъ Царя Іоанна, которые сами по себѣ были уже значительны), — рѣшился на явное возмущеніе. Собравъ воиновъ и множество другаго народа изъ окружныхъ селеній, осадилъ крѣпость Меленикъ и старался взять ее. Въ этомъ городѣ начальниками гарнизона были Ѳедоръ Нестонгъ и Іоаннъ Ангелъ, оба искусные охранять городъ и отбивать нападеніе противниковъ. Жители же города ничѣмъ другимъ не стѣснялись (имѣли довольно все имъ нужное), — кромѣ воды въ лѣтнее время. Самая потребная изъ всѣхъ вещей и са-

(39) Acrop. c. 37.

мая невыносимая, когда ее нѣтъ. Осажденные же (потому что они не совсѣмъ были лишены воды) твердо стояли противъ непріятеля, бросая въ него камни, защащаясь стрѣлами и всякимъ другимъ оружіемъ. Когда Царь услышалъ объ этомъ, не могъ болѣе стерпѣть, и посовѣтовавшись большимъ совѣтомъ, собралъ поспѣшно всѣ свои полки и въ 12 дней достигъ Серъ; онъ не только прошелъ въ столь короткое время такое пространство, но привелъ туда войско, хорошо вооруженное, коней хорошо навыюченныхъ, и все вообще въ военномъ дѣлѣ нужное было приготовлено и устроено. Прибывъ въ Серъ, онъ остановился на ночлегъ, и какъ только разсвѣло, собралъ войско и отправилъ впередъ луконосцевъ (*τοξοφόρους*) и пѣхоту. Около Ропели мѣста непроходимы, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ течетъ Струмница, заключенная между двумя горами, такъ что едва одна возница пройти можетъ, и самая рѣка дѣлала дорогу непроходимою (подобныя мѣста народъ называетъ *скличены* — клисуры), — и эти-то мѣста были охраняемы Болгарскимъ войскомъ, состоящимъ изъ немногихъ всадниковъ и изъ большаго числа пѣхоты (потому что Болгаре устроили тамъ вороты, подперевъ ихъ бревнами и затворами, такъ что, трудность мѣстоположенія съ одной стороны и искусственное укрѣпленіе съ другой, могли препятствовать нападенію Римлянъ). Царь, узнавши объ этомъ, чтобы удостовѣриться, самъ поспѣшилъ къ этому мѣсту. Тогда, отдѣливъ отрядъ пѣхоты, приказалъ ему взойти на гору, откуда легче было наносить удары находящимся внизу Болгарамъ, — что и было исполнено.

Гора была покрыта густымъ лѣсомъ и пѣхота прошла незамѣтно. Конным повелѣно было дѣлать между тѣмъ нападеніе на укрѣпленный проходъ. Болгаре, видя, что непріятель съ одной стороны сильно ихъ тѣснитъ, а съ другой, именно съ горы, безпрерывно мещетъ въ нихъ стрѣлами, — обратились въ бѣгство; царское же войско, погнавшись за ними, многихъ предало смерти. Успѣвшіе спастись, достигнувъ Болгарскаго войска, разсказали все о дѣйствіяхъ Царя, и все, что они претерпѣли. Встревоженные этой неожиданной вѣстію, всякій спѣшилъ сѣсть на коня и поспѣшно удалиться. Ночь была темна и безлунна, мѣсто дебристое и непроходимое; многіе изъ бѣгущихъ падали съ коней, другіе стаптывали ихъ, иные стремглавъ срывались въ пропасть, кончая въ мученіяхъ жизнь свою, такъ что весьма не многіе успѣли невредимыми войти въ Болгарскія страны. Да и самъ предводитель ихъ Драготъ, истоптанный лошадьми, чрезъ три дни умеръ. Такимъ образомъ Царь овладѣлъ въ эту ночь городомъ, милостиво разговаривалъ съ бывшими на стражѣ; они же, съ честію принявъ самодержца, громко его хвалили, пѣснями прославили и быстрымъ орломъ наименовали» (40).

(1257) — «Такимъ образомъ Царь приказалъ также выслать изъ города женъ и дѣтей тѣхъ, которые участвовали въ возмущеніи, а имущество ихъ роздать воинамъ. Послѣ чего, выступивъ изъ Меленика, онъ достигъ Солуни и переправившись чрезъ

---

(40) Acrop. c. 59.

Вардаръ, пришелъ въ Водяну, гдѣ сталъ лагеремъ, потому что въ его войскѣ открылась болѣзнь. Это обстоятельство заставило его переждать здѣсь, пока воины не облегчились, и отсюда пошелъ на Прилѣпъ. Здѣсь, занявшись приготовленіемъ разныхъ орудій, устроеніемъ возовъ, выступилъ къ Велѣсу, чтобы осадить и отнять его изъ рукъ непріятеля.

«Осажденные, узнавъ объ этомъ, рѣшились не допустить Царя до принятыхъ противъ нихъ мѣръ, вошли въ переговоры, и обѣщали сдать городъ, если Царь позволитъ имъ выйти съ оружіемъ и пожитками. Требовали клятвы, и когда Царь далъ ее, они вышли. Увидѣвъ ихъ въ столь большомъ количествѣ (почти до 500), и что всѣ были высокаго роста и красивой наружности, Царь раскаялся въ данномъ позволеніи оставить такихъ молодцевъ присоединиться къ своимъ и стать врагами Римлянъ. Но, давши клятву, онъ оставилъ ихъ свободно пройти. Отсюда поднявшись всѣмъ войскомъ, онъ пустился въ путь чрезъ Невстополе. Край здѣсь безводенъ и не населенъ, и съ трудомъ могло проходить многочисленное войско. Нѣсколько дней воины не имѣли хлѣба, а большая часть копей два дни оставались не поены. Достигнувъ Струмницы и пройдя земли, прилежащія къ Меленику, прибыли наконецъ въ Серъ. Здѣсь Императоръ получилъ письма изъ Восточныхъ своихъ областей, присланныя любезнымъ его доместикомъ Музалономъ, изъ которыхъ онъ узналъ, что Тахары нападаютъ на Мусульманъ. Тогда Царь сталъ подвигаться быстрѣе, и когда достигъ рѣки Евръ, которую простой на-

родъ именуетъ и Марицей, узналъ, что положеніе дѣлъ на Востокѣ не было таковымъ, какимъ ему представили, посему и не спѣшилъ, и по царскимъ обычаямъ, остановился на роздыхъ; потомъ изъ Димотики онъ отправился въ Адріанополь. Города и укрѣпленныя мѣста, которыя находились во власти Болгаръ, всѣ были отняты, только двѣ крѣпости оставались еще въ ихъ рукахъ: одна, небольшая, находившаяся въ Охридскихъ горахъ и называвшаяся Патемъ, которая бы легко могла быть взята человѣколюбивымъ Алексіемъ Дукой въ то время, когда Царь дозволилъ ему ратовать въ окрестностяхъ Охрида; другая же крѣпость называлась Чепино и была сильно укрѣплена промежъ отлогостей двухъ великихъ горъ — Старой-Планины (Гема) и Родопа, между которыми течетъ рѣка Евръ. Императору стало досадно, что онъ не занялъ эти города, какъ и другіе; болѣе всего досадовалъ онъ, что не овладѣлъ Чепиной: посему онъ поспѣшилъ выслать войско противъ послѣдней. Время жатвы прошло и осень была также на исходѣ. Но онъ не думалъ о времени, самое приближеніе зимы не устрашало его (объ одномъ только и думалъ онъ— какъ бы исполнить свою волю). Выступивъ изъ Адріанополя со всѣмъ войскомъ, приказалъ собирать по всей Македонской странѣ возы,—назначая одни изъ нихъ для разной клади и оружія, а другіе—для съѣстныхъ припасовъ. Осмотрѣвъ собравшихся пѣшихъ стрѣльцовъ и конькопосцевъ, и видя ихъ хорошо вооруженными, приказалъ двинуться изъ Адріанополя къ Чепино. Четырьмя корпусами отправилось войско въ дорогу. Достигнувъ мѣста, которое называется

Длъгополе (41) (имя это дано мѣсту отъ его положенія), настала сильная зима. Съ вечера, всю ночь, съ увеличивавшимся вѣтромъ, увеличивался и холодъ, покрывъ землю глубокимъ снѣгомъ, что привело Царя въ большое затрудненіе. Мѣсто не было заселено, непріятель былъ близокъ, а отсутствіе всякихъ необходимостей тревожило ихъ души. Войско было въ затруднительномъ положеніи. Въ этихъ обстоятельствахъ, Царь собралъ всѣхъ войсковыхъ начальниковъ, не только начальствовавшихъ Римлянами, но и тѣхъ, которые были во главѣ составленныхъ имъ Латинскихъ и Скиѳскихъ отря-

---

(41) *Μακρολιβάδα*,— отуреченное въ Узунджа-Ова (اوزونجه اووه)— длинное поле.

Ключемъ къ возстановленію древнихъ Славянскихъ названій городовъ, рѣкъ и пр. за Дунаемъ, искаженныхъ Византійскимъ правописаніемъ, во многихъ случаяхъ могутъ служить нынѣшнія Турецкія названія нѣкоторыхъ мѣстъ, полстрочно переведенныхъ съ древне-Славянскихъ. Напр. у Анны Алексіевны Комниной (l. 17. 14.), городъ *Βελιατόβα* есть не иное что, какъ Бѣловодъ, переименованный Турками въ *Акъ-Бунаръ* (اق بونار) т. е. бѣлый источникъ. У ней же (l. VII. 3.) рѣка *Βιτζιάνα* — *Бичина*, теперь *Бюкъ-Камчикъ* (بيوكه قامچق), т. е. большой бичь. На этой рѣкѣ находился и городъ того же имени. Константинъ Багрянородный, а быть можетъ и переписчики, невѣрно писали *Дичина*, что было принято Вепелинымъ и Шафарикомъ. Кромѣ того: городъ *Тича* (отъ течь, теку) по-Турецки *Чатакъ*, (چاتاق), что значитъ *соединеніе, слитіе*, отъ гл. *чатмакъ* (چاتمق) соединяться, сливаться. *Котелъ*, нын. Казань и др.

довъ и совѣтовался съ ними, что нужно дѣлать. Всѣ почти въ одинъ голосъ дали совѣтъ вернуться въ Адріанополь. Но Царь не одобрилъ этого совѣта. «Если и мнѣ, съ Божіей помощію, пришло кое-что на умъ, согласитесь ли вы на то, какъ умнымъ владѣтелемъ вамъ сказанное, которому вы обязаны повиноваться»? — Всѣ отвѣчали: «мы согласны на все, что для блага твоей Державы будетъ сдѣлано». Тогда Царь распустилъ всѣхъ по шатрамъ, чтобы приготовились и распорядились на зиму съѣстными припасами; возвратясь же къ себѣ, собралъ своихъ приближенныхъ, для совѣта и съ ними, что ему дѣлать. Одни говорили послѣдовать совѣту военачальниковъ; другіе же, — на мнѣніе которыхъ согласился и Царь, — говорили противное, сказавъ: «что сколько пути до Адріанополя назадъ, столько же и впереди до Стенимака, и все то, что найдемъ мы въ Адріанополѣ, можемъ также обрѣсти и въ Стенимакѣ. Если мы пойдемъ впередъ, не только покажемъ непріятелю, что онъ не страшенъ, но докажемъ, что, не смотря на затруднительное положеніе, въ которое поставила насъ зима, мы не вернулись назадъ». Это понравилось Царю, а какъ и самая стужа начала смягчаться, и снѣгу стало падать меньше, то приказалъ готовиться къ походу. Оттуда пошелъ съ полками въ Станимакъ, и, отдохнувъ не много, отправился къ Чепинію. По пути заняли городъ Баткунъ (42), гдѣ нашли большое количество съѣстныхъ запасовъ для войска. Отсюда послалъ онъ дядю

---

(42) *Βατκούνιον*, нынѣ Папазли.

своего, Мануила Ласкара, который, будучи инокомъ, назывался Максимомъ, и также начальника Константина Маргарита, поручивъ имъ осмотрѣть мѣстность, чтобы легче было пройти войску. Отправившись, они осмотрѣли мѣста и дали знать Царю, что они удобопроходимы, какъ увѣрялъ Константинъ Маргаритъ, не смотря на то, что многіе, зная эти мѣста, говорили противное. Царь повѣрилъ его словамъ и выступилъ со всѣмъ войскомъ. Мѣсто оказалось не совсѣмъ легко для перехода. Гололедица, закрывшая и сгладившая путь, затрудняла полки. Лѣсъ былъ густъ и древесныя вѣтви сплетены. Всю ночь горѣли костры, согрѣвая воиновъ. Служители шатровъ не могли найти въ толпѣ господъ своихъ. Хотя никто не роптalъ, но у всѣхъ на глазахъ были слезы. При томъ же дымъ отъ разложенныхъ огней душилъ всѣхъ, и, по причинѣ сильно сгущенныхъ деревъ, не могъ находить свободнаго прохода на чистый воздухъ. Отъ дыму невольно у всѣхъ текли слезы; и самъ Царь страдалъ отъ этого. Когда минула ночь и наступилъ день, Царь далъ приказаніе войску выступить въ поле и осадить городъ. Оно выступило. Начальника же тѣлохранителей съ нѣсколькими молодыми воинами оставилъ при себѣ, послѣ чего и самъ сошелъ съ коня, и подобно другимъ отправился пѣшкомъ: потому что конному не было возможности сойти съ этой горы» (43).

---

(43) Асгор. с. 59.

Походъ этотъ, какъ мы видѣли, не былъ удаченъ Грекамъ. Ласкаръ не хотѣлъ однакожь оставить безъ вниманія города Южной Болгаріи, отъ Гема до Солуня, и не смотря на то, что присутствіе его было необходимо въ Малой Азіи, онъ оставилъ значительную часть войска въ Димотикѣ, съ наказомъ не возмущать Болгаръ безполезными вылазками до его возвращенія. Болгарское войско, расположенное въ это время на отлогостяхъ старой Планины, выжидало только благопріятнаго случая, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ Ласкаръ предъупредилъ ихъ намѣреніе.

1258. — Въ Мартѣ мѣсяцѣ Ѳ. Ласкаръ, снова переправившись чрезъ Геллеспонтъ, поспѣшилъ занять Димотику. Михаилъ призвалъ на помощь четыре тысячи *Скиѳовъ*, которые, подступивъ къ Димотикѣ, разбили выступившій противъ нихъ городовой гарнизонъ. Императоръ поспѣшилъ своимъ на выручку, но было поздно, и *Скиѳы* успѣли укрыться въ Визу, а Греки расположились лагеремъ на рѣкѣ Регинѣ (Буюкъ-дере?), впадающей пониже Адріанополя въ Марицу (44).

---

(44) Acrop. c 61.

Трудно было слабому Михаилу бороться съ Императоромъ, и онъ рѣшился просить мира. Для этого онъ употребилъ тестя своего Ростислава, какъ посредника для дипломатическихъ сношеній. Ростиславъ не замедлилъ поспѣшить изъ Бѣлграда въ Терново, а отсюда къ Ѳ. Ласкару. Явленіе этого посредника въ Греческомъ лагерѣ, предупрежденное особеннымъ со стороны Михаила посольствомъ, произвело сильное впечатлѣніе. Великія почести были оказаны ему и его приближеннымъ, и миръ былъ заключенъ съ тѣмъ, чтобы Болгаре уступили Императору крѣпость Чепену. Ростиславъ же, богато одаренный, возвратился въ Терново (45).

Михаилъ не долго пользовался обоюднымъ согласіемъ, въ которомъ находился съ Ласкаромъ. Въ томъ же году онъ былъ убитъ на о́хотѣ въ окрест-

---

(45) Acropo. c. 62.— Gregor. l. 3. c. 1.

По отъѣздѣ Ростислава, нѣкоторые изъ придворныхъ старались увѣрить Императора, что уѣхавшій посредникъ вовсе не тотъ, за котораго себя выдавалъ, но что это какой-то прошлецъ, который, надѣясь на обычные богатые дары, явился подъ предлогомъ заключенія мирнаго договора, и что Царь Болгарскій вовсе не думалъ о мирѣ. Чрезъ нѣсколько дней Императоръ, окруженный придворными, между которыми находился и Историкъ Акрополита, какъ великій Логоѳетъ, обратился къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ вопросомъ: что думаютъ они о пріѣзжавшемъ послѣ? *Правда ли, что онъ поддѣлъ насъ?*— послѣднія слова обращались къ Акрополитѣ. Великій Логоѳетъ отвѣтилъ, что только поддерживающіе это подозрѣніе обманываютъ Его Величество. Вспыльчивый Ласкарь, приказываетъ ему сойти съ коня, и, по его знаку, два воина наказали палками слишкомъ смѣлый отвѣтъ Акрополиты. Онъ самъ разсказываетъ этотъ случай.

постяхъ Терпова двоюродпымъ братомъ своимъ Коломаномъ, сыномъ Александра Іоанновича Асѣня (46).

Чтобы удержать за собою власть, убійца хотѣлъ принудить вдову Михаила сочетаться съ нимъ бракомъ; но вѣсть о преступленіи достигла Бѣлграда, откуда Ростиславъ поспѣшилъ съ отрядомъ войска на выручку своей дочери. Разбитый Коломанъ искалъ спасеніе въ бѣгствѣ, но не успѣлъ укрыться отъ преслѣдованія. Приверженцы его, и такъ слабые, частію разсѣялись, частію принесли повинную Ростиславу. Такъ какъ Михаилъ не оставилъ дѣтей, то Царемъ былъ провозглашенъ Мича (Михаилъ), женатый на сестрѣ Михаила Іоанновича, и имѣвшій большія помѣстья въ части Ѳракіи, прилежавшей къ Балканамъ (47). Съ другой стороны, пребываніе Ростислава въ Терновѣ не могло длиться долгое время по той причинѣ, что Бела IV звалъ его по случаю разрыва Венгріи съ Чехіей. Взявъ съ собою дочь свою, Ростиславъ отправился въ Вѣну (1261), гдѣ ему съ Стефаномъ III Урошемъ и съ двумя сыновьями послѣдняго, Драгутиномъ и Милютиномъ, назначено было заключить миръ между Премыславомъ-Оттокаромъ II и Белою IV (48).

---

(46) Александръ Іоанновичъ, второй сынъ Іоанна II Асѣня, былъ Севестократоромъ. Это достоинство равнялось достоинству Великаго Князя.

(47) Acrop. c. 73.— Gregor. l. 3. c. 2.— Pachym. l. 5. c. 5.

(48) Западные Историки: *Pulkava* называетъ Ростислава Dux Bulgarorum, современный ему *Continuator Cosmae* — Hostislai

Непроницаемая тайна окружаетъ личность Мичи, возведеннаго на Болгарскій престолъ по предстательству Ростислава. Догадка Феслера (49), принятая Энгелемъ (50) и оподозрѣнная Палацкимъ (51), быть можетъ, и заключаетъ въ себѣ истину непреложную, если прослѣдить и свести извѣстія о Мичѣ и Ростиславѣ. Откуда объяснить преданность послѣдняго и желаніе его воцарить Мичу въ Болгаріи? Не станемъ прерывать фактовъ и послѣдуемъ за ними; не смотря на ихъ скудость, быть можетъ, они наведутъ насъ на ясную точку.

Мича — говорятъ Византійскіе Историки (52)— какъ только вступилъ на престолъ, возбудилъ уже неудовольствіе своимъ изнѣженнымъ, женственнымъ

---

ducis Bulgarorum, *Marignolius*— Ducem Bulgarorum. Прилагали же Ростиславу этотъ эпитетъ по тому, что, какъ говоритъ Палацкій, онъ былъ вѣроисповѣданія Греческаго, которое, какъ извѣстно, называлось въ Чехіи Болгарскимъ (анахронизмъ). Ростислава называли Dux Bulgarorum въ смыслѣ Воеводы Болгарскаго войска, которое онъ вывелъ изъ Болгаріи на помощь тестю своему Королю Венгерскому.

Изъ письма Премыслава, Оттокара II (1260) къ Папѣ Урбану IV, видно, что, во время Угро-Чешской войны, въ войскѣ Белы IV находились: Греки, Болгаре, Руссы и Босняцкіе еретики (вѣроятно извѣстные въ это время *Катары, Патарены*, порожденные сектой Богомиловъ, бывшихъ въ свою очередь порожденными древнею сектою Павликіянъ). Эти-то Болгаре и Босняки были подъ начальствомъ Ростислава. Кого же Оттокаръ называетъ Греками — мнѣ не извѣстно.

(49) Geschichte der Ungarn. Ч. II, стр. 599.

(50) Algemeine Welt-historie LXIX. pag. 420.

(51) О Русс. Князѣ Ростиславѣ и родѣ его (въ Чтеніяхъ Имп. Московскаго Общ. Ист. и Древностей Росс. № 3. 1856).

(52) Грегора, l. 3. c. 2. — Пахимеръ l. 5. c. 5.

характеромъ (*ἀνὴρ νωθρός καὶ ἄνανδρος*). Самое названіе *Мича, Μητσής,* уменьшительное *Михаила,* подобно какъ и Іоанница, Душица (Душанъ), Николица, Пенчо (Петръ), Мирчо (Дмитрій) — и мн. др., показываетъ, что Мича былъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ еще до своего воцаренія. Одно присутствіе Ростислава въ Терновѣ могло устрашить всякое волненіе противъ его избранника. Но какъ только Князь Мачвы удалился, сопутствуемый Болгарскимъ войскомъ, назначеннымъ подкрѣпить Угорское ополченіе, — какъ неудовольствія противъ Мичи обратились въ явный мятежъ. Принявъ въ соображеніе самый характеръ Мичи, какимъ передаютъ намъ Греческіе Историки, современные самому событію, къ тому же обезсиленный выводомъ изъ Болгаріи войска, надобно было ожидать, что паденіе его не замедлитъ. Недовольнымъ нуженъ былъ только предводитель, — и онъ явился. Нѣкто Константинъ Тихъ (53), Техъ, Тохусъ (54), родомъ Сербъ, человѣкъ предпріимчивый, храбрый, но хитрый и проныривый, обратилъ на себя вниманіе партіи недовольныхъ Бояръ и избранный ими, принудилъ слабаго Мичу оставить Терновъ и удалиться на жительство съ женою и дѣтьми въ городъ Месемврію.

---

(53) Мы придерживаемся правописанія Греческаго. Грегора. Акрополита пишутъ: *Τοιχος.* Никита Хонскій и Кинамъ исказили Сербскаго Тихомила въ *Δισὲ*, Тѣша. Энгель, въ Geschichte von Serwier, на 198 стр., замѣчаетъ въ выноскѣ, что Desses стоитъ вмѣсто Uresis, въ чемъ весьма ошибается.

(54) Не Тѣша-ли, Тихомилъ? Ср. Прим. 53.

Одни личныя достоинства Тиха не могли упрочить за нимъ Болгарскую корону, которой онъ домогался. Онъ зналъ это и первымъ его дѣйствіемъ было породниться съ Греческимъ Императорскимъ домомъ, чтобы этимъ уравновѣсить свои права съ правами Мичи. Тихъ сталъ просить у Ѳ. Ласкара руку старшей его дочери, Ирины, бывшей внукой Іоанна II Асѣня. Но тутъ надлежало еще устранить другое препятствіе: Тихъ былъ женатъ, но и это не остановило его намѣренія. Онъ легко устроилъ разводъ, въ доказательство чего выслалъ первую жену къ Императору въ Никею, и этимъ способомъ получилъ согласіе послѣдняго на бракъ съ его дочерью.

Мича между тѣмъ (1261—1264) (55) тайно оставляетъ Месемврію, и надѣясь на помощь Венгріи, скрывается, до удобнаго случая, въ окрестныхъ горахъ Тернова (56). Около этого времени (1262—1263), Угорское войско, подъ начальствомъ Королевича Стефана, сына Белы IV, дѣйствительно было въ

---

(55) Пахимеръ l. 3. c. 18, 23. L. 5. c. 5. — Грегора l. 4. c. 6.

(56) Палацкій (въ Русс. Князѣ Ростиславѣ и его родѣ)— говоритъ, что: «Михаилъ, кажется, былъ старшимъ сыномъ Ростислава, потому что упоминается уже въ 1262 г., какъ *самостоятельный Государь* (хотя не извѣстно, въ которомъ краѣ), — въ мирномъ договорѣ молодаго Угорскаго Короля Стефана съ отцемъ своимъ Белой IV. 5 Декабря, 1261 г.». Въ этомъ договорѣ Стефанъ обѣщаетъ слѣдующее: Quod si in subsidium Michaelis ducis, carissimi fratris nostri exercitum aliquem mittere nos contingat, non mittemus, nec ipsum exercitum procedere patiemur per terram charissimi fratris nostri. Katona, 1. c. pag. 368—370.

Болгаріи и преимущественно осаждало Терново. Существуютъ двѣ грамоты, одна 1268 г., которая говоритъ о походѣ Стефана въ Грецію, другая 1269 г., въ силу которой Стефанъ даетъ дворянское достоинство роду Гоцони, показавшему въ глазахъ самаго Королевича чудеса храбрости въ странѣ Болгарской, достигнувъ со своимъ отрядомъ до Castrum Turnow, и опустошивъ землю этихъ враговъ и схизматиковъ (57).

. Сравнивъ теперь эти извѣстія съ сказаніями Византійцевъ, найдемъ, что Михаилъ Ростиславичь и Мича есть никто иной, какъ charissimus frater noster Королевича Стефана, слѣд. одно и то же лице. Когда же въ 1264 г. Стефанъ былъ вызванъ отцемъ въ Венгрію, Мича, лишенный его помощи, не могъ болѣе поддержать свои притязанія на Болгарію противъ Константина Тиха. Послѣдній вытѣснилъ его снова изъ окрестностей Терпова и принудилъ удалиться опять въ Месемврію. Тогда Мича обратился къ Михаилу Палеологу за помощію, обѣщая Месемврію и Анхіалъ, если онъ поможетъ ему взойти на Терновскій престолъ (1265). Палеологъ согласился, но не исполнилъ обѣщанія: потому что посланный имъ съ войскомъ Куропалатъ Главасъ, родомъ Болгаринъ, находившійся въ службѣ Имперіи, занялъ отъ имени Императора Месемврію, а самаго Мичу съ семействомъ препроводилъ въ Константинополь, гдѣ онъ былъ принятъ съ великою почестію.

---

(57) См. Грамоты Стефана въ Heraldic. Reg. Hung. Specimen. *Palma*. Vindobon. 1766, p. 86.

Одинаково разсказываютъ этотъ случай Грегора и Пахимеръ; замѣтно однакожь, что въ ихъ разказѣ скрывается какая-то тайна, хотя они и не говорятъ именно, что Императоръ обманулъ Мичу. Въ замѣнъ Месемврiи и Анхiала, Императоръ далъ ему довольно большiя земли по рѣкѣ Скамандру близъ древней Троады, гдѣ онъ провелъ, какъ говорятъ, остатокъ дней своихъ въ спокойствiи, забывъ въ прiятностяхъ семейной жизни частнаго человѣка свои прежнiе честолюбивые замыслы (58). Въ по-

---

(58) Это разсказываютъ Греч. Историки. Палацкiй, въ упомянутой уже не разъ статьѣ, говоритъ: «что Князь Михаилъ Ростиславичь, старшiй братъ Королевы Кунгуты, жилъ еще въ 1268, это извѣстно изъ нѣсколькихъ писемъ ея, въ коихъ она ходатайствовала за него у Короля Стефана и Королевъ Угорскихъ Марiи и Елисаветы, т. е. чтобъ они не преслѣдовали его, навлекшаго на себя ихъ подозрѣнiе, но снова приняли бы къ себѣ ласково, потому что онъ больше всѣхъ желаетъ остаться имъ вѣрнымъ. (См. эти письма въ изслѣдованiи Палацкаго: Uber die Formelbücher). Но далѣе всѣ извѣстiя о немъ прекращаются». — Мы видѣли, что Мича отдалъ Палеологу Месемврiю и Анхiалъ, съ условiемъ помочь ему отнять Терново. Знаемъ также, что Императоръ обманулъ его, и въ замѣнъ этихъ городовъ заставилъ его поселиться въ Малой Азiи. Если приводимыя Палацкимъ письма достовѣрны, то нѣтъ ничего легче, какъ согласить это обстоятельство съ самимъ дѣломъ. Мича, получивъ уже однажды помощь Венгровъ (подъ предводительствомъ Королевича Стефана), не старался ли съ береговъ Скамандра помириться съ Угорскимъ домомъ, избравъ для этого посредницей сестру свою Кунгуту? Неудовольствiе же Стефана онъ могъ навлечь на себя тѣмъ, что какъ только Угры вышли изъ Болгарiи, Мича малодушно бѣжалъ въ Месемврiю и вступилъ въ переговоры съ Цареградскимъ Дворомъ, что было противно политикѣ Угорскаго Двора.

слѣдствіи онъ даже породнился съ Императоромъ, дочь котораго, Ирина, вышла за старшаго сына Мичи, Іоанна (59).

---

(59) Этотъ Іоаннъ, которому, не знаю почему, Византійскіе Историки придаютъ имя Асѣня (по матери онъ точно происходилъ отъ Асѣней), является въ Болгаріи, какъ орудіе Императора, въ самое смутное время этой страны (1280—1283). Болѣе счастливый соискатель престола, Боярин Тертеръ, поддерживаемый сильною партіей, отнялъ у него власть, не смотря на помощь, которую Іоаннъ имѣлъ отъ Грековъ. Іоаннъ оставилъ по себѣ четырехъ сыновей и трехъ дочерей, но ни они, ни ихъ потомки не принимали болѣе участія въ дѣлахъ Болгаріи.

Нарушевичь, въ своей Исторіи Польскаго народа (т. V), опираясь на одномъ, сколько мнѣ извѣстно, свидѣтельствѣ Длугоша (60), вотъ что говоритъ о женитьбѣ Лешка Чернаго, сына Казиміра Куявскаго, съ дочерью Ростислава, которую онъ, по Длугошу, называетъ Грифиной: «Чтобы обезпечить себя въ будущемъ со стороны Русскихъ, Лешекъ женился на дочери Ростислава, бывшаго нѣкогда Княземъ Кіевскимъ, которая родилась отъ Анны Венгерской и была сестра Кунигунды. Послѣдняя, четыре года предъ тѣмъ, вышла за Оттокара, Короля Чешскаго, бросившаго первую свою жену Маргариту Австрійскую. Грифина была племянница Кунигунды Болеславовны: посему союзъ Лешка съ нею не только понравился властямъ, но и казался быть необходимымъ для края» (61).

---

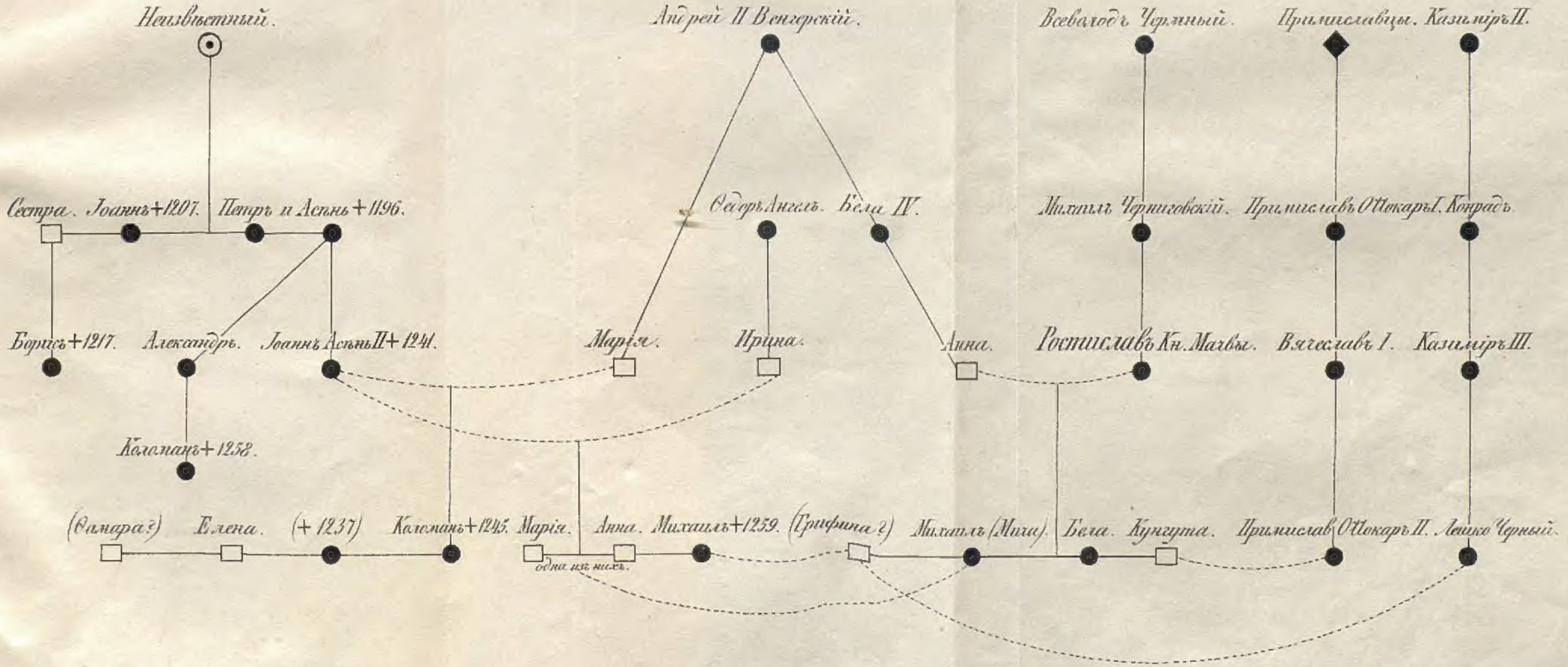
(60) Dlugossi, Hist. Polonica, l. VII. стр. 774. Въ томъ же году, когда Boleslaus Pudicus назначилъ Лешка Чернаго своимъ наслѣдникомъ, т. е. въ 1265, этотъ послѣдній женился на Грифинѣ— Rocislai Ducis Ruthenorum filiam.

(61) «A żeby zaś wyznaczony Książe (т. е. Лешекъ) spokoynieysze mial w czasie przyszlym od Rusinów sąsiednich panowanie, poslubil sobie Gryffinę, córkę Rostislawa Książęcia niegdyś

Ясныхъ свидѣтельствъ о годѣ смерти Ростислава нѣтъ. Объ немъ упоминается только однажды подъ 1262 г., какъ о покойникѣ. Не знаю, что подразумѣвалъ Нарушевичь, говоря: a żeby zaś wyznaczony Książe spokoynieysze miał w czasie przyszłym od Rusinów sąsiednich.... Какъ извѣстно, въ дѣлахъ Руси не принимали болѣе участія, ни Ростиславъ, ни его потомки, которые въ третьемъ уже колѣнѣ совершенно исчезаютъ даже за Дунаемъ. Здѣсь другой не ясный вопросъ: былъ ли Ростиславъ дѣйствительнымъ владѣтелемъ Родны въ Карпатахъ, или только Княземъ in-partibus? (потому что вовсе не извѣстно, какъ далеко простиралась власть его въ этой странѣ), — и не разумѣетъ ли Польскій Историкъ скорѣе Русиновъ Карпатскихъ, нежели Руссовъ Галицкихъ и Кіевскихъ?

Kijowskiego, urodzoną z Anny córki Beli Króla Węgerskiego a siostry Kunegundy, z którą się przed czterema laty Ottokar Król Czeski ożenił, odrzuciwszy Małgorzatę Austryiaczkę. Była Gryffina siestrzenicą Kanegundy Boleslawowey; przeto ten związek Leszka milszym był Panuiącym, a potrzebniejszym zdawał się kraiowi».

Родственная связь Славянских владетельных Домов в XIII вѣкѣ.



2007059105